

Научная статья

УДК 94(430+498+520+470)«1936/1943»

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_179

МЕЖДУ БЕРЛИНОМ, БУХАРЕСТОМ И ТОКИО – СТАЛИНГРАД. БИТВА НА ВОЛГЕ КАК РУБЕЖ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГЕРМАНИИ С СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ

Татьяна Петровна Малютина¹, Елена Владимировна Талтынова²

Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия

¹ Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
ORCID ID: 0000-0001-8978-665X, тел.: (473) 255-06-67, e-mail: chal.04@mail.ru

² Аспирант кафедры истории России, ORCID ID: 0009-0008-6513-5578,
тел.: (473) 255-06-67, e-mail: taltynova.e.v@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения во взаимоотношениях Германии с Румынией и Японией после победы Красной армии под Сталинградом. 3-я и 4-я румынские армии были разбиты в ноябрьских боях 1942 г., что предопределило в дальнейшем переход Румынии на сторону стран антигитлеровской коалиции. Командование Квантунской армии реализацию плана нападения на советское Приморье с широким использованием химического и бактериологического оружия в связи с поражением Германии и ее союзников и сателлитов на Волге вновь было вынуждено отложить.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Антикоминтерновский пакт, Тройственный (Берлинский) пакт, 3-я, 4-я румынские армии, Квантунская армия.

Для цитирования: Малютина Т.П., Талтынова Е.В. Между Берлином, Бухарестом и Токио – Сталинград. Битва на Волге как рубеж во взаимоотношениях Германии с союзниками и сателлитами // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 179–183. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_179.

Введение

25 ноября 1936 г. состоялось подписание Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией. Через год к пакту присоединилась Италия, в феврале 1939 г. – Венгрия и марионеточное государство милитаристской Японии «Маньчжоу-Го». В марте того же года – Испания, в 1941 г. – Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия и Хорватия. Но, после победы советских войск под Сталинградом, союзникам и сателлитам Германии стало ясно: в войне наступил перелом, и он явно не в пользу рейха. Коалиция, которая создавалась усилиями лидеров Третьего рейха, стала трещать по швам.

Результаты

Наступательная операция советских войск под Сталинградом, начавшаяся 19 ноября 1942 г., произвела колоссальное впечатление на румынских солдат и офицеров, находившихся на острие удара, и, вместе с тем, выявила противоречия, накопившиеся

к осени 1942 г. между немцами и румынами, как на уровне высшего армейского руководства, так и между солдатами и офицерами – участниками боев на Волге. Подтверждение данному тезису – в переписке Й. Антонеску с Э. фон Манштейном, а также в допросах румынских военнопленных, хранящихся в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ).

9 декабря 1942 г. румынский диктатор писал немецкому фельдмаршалу: успех советского наступления под Сталинградом объясняется не только недостаточной боеспособностью 3-й и 4-й румынских армий, но «прежде всего, непредусмотрительностью командования группы армий «Б», которое не предвидело ни искусно выбранного наступления русских, ни массивированного сосредоточения сил, произведенного самым скрытым образом» [8, л. 137]. Й. Антонеску в этом же письме обвинял Э. фон Манштейна

в том, что немцы практически не поставили в румынские части обещанного современного вооружения, не обеспечили подразделения 3-й и 4-й румынских армий необходимым провиантом и фуражом, предоставили фронт обороны, протяженность которого превышала возможности румынских дивизий [8, л. 134-136]. Кондукэтор Румынии выражал негодование из-за того, что «румынские части, находящиеся под немецким командованием, подвергаются нечеловеческому обращению», приводя примеры, как генералы вермахта своими приказами обрекают румынских солдат «на кровопролитие и гибель» [8, л. 139]. Антонеску предупреждал, что «если подобные отношения и факты не прекратятся», он будет «вынужден пересмотреть вопрос пребывания наших частей на Вашем фронте» [8, л. 147]. Таким образом, разгром румынских войск под Сталинградом обострил отношение румынского диктатора с немецким генералитетом, но, несмотря на это, Румыния продолжала оставаться сателлитом Германии.

Румынские солдаты и офицеры, взятые в плен под Сталинградом, в показаниях на допросах описывали ход военных действий, в которых они принимали участие, а также характеризовали отношение к себе немецких военнослужащих. Так, захваченный в плен начальник штаба 6-й румынской пехотной дивизии полковник Крест Станеску на допросе показал, что план советского наступления «оказался очень удачным, продуманным и логичным». Операция была проведена действительно «хорошо и быстро». О том, что готовится наступление Красной армии, румынское командование догадывалось, но предполагало, «что оно начнется в районе Клетской и будет в меньших масштабах». Концентрация в месте прорыва большого количества танков стала неожиданностью для румын. «Большое впечатление произвели сила и быстрота продвижения Ваших тяжелых танков», они подавили румынских солдат «не столько физически, сколько морально» и «быстро зашли к нам в тыл». Высоко оценил пленный полковник и действия советских стрелковых дивизий: «Нас поражало упорство русской пехоты. После того, как она занимала какую-либо высоту, ее нельзя было выбить оттуда». О взаимоотношениях с немцами К. Станеску отмечал, что при штабе 6-й румынской пехотной дивизии постоянно находились представители немецкого командования – майор фон Хохенгаузен, младший лейтенант Нокс и переводчик, но в момент советского прорыва «они куда-то скрылись». 22 ноября «немцы по радио сообщали, что на нашем участке фронта русские предприняли атаку против немецкого кавалерийского полка, но были отброшены». О других событиях в этом районе и катастрофе 3-й румынской армии ничего не сообщалось. Румынским офицерам «досадно было слушать хвастливое сообщение немецкого радио, и они разбили радиоприемник» [8, л. 134 об.-134].

Начальник штаба 5-й румынской пехотной дивизии подполковник Николае Камбрия на допросе показал, что 15 октября 1942 г. немецкая разведка передала первую информацию «о большом автомобильном движении в дневное и ночное время в районе Клетской и Серафимович». Советское наступление ожидали 7–8 ноября – так как предполагалось, «что

русские захотят чем-то ознаменовать свой коммунистический праздник». Но специальной подготовки к отражению возможного прорыва в дивизии не велось. «Шли разговоры, что в резерве на этот случай стоят 1-я танковая и 15-я пехотная дивизии». В итоге, наступательная операция советских войск 19 ноября стала полной неожиданностью даже для немцев. Она, с точки зрения румынского подполковника, «была проведена превосходно». «Прорыв линии обороны был осуществлен полностью. Танковые части прорвались в тылы, наводя невиданную панику в тыловых подразделениях и отрезая наши части от баз снабжения». Успеху способствовала «мастерская артподготовка». Н. Камбрия отмечал, что победа «всегда зависит от быстроты и энергичности действий и от умения» и признавал, что советские воины «обладают всеми этими качествами». Военнопленного подполковника искренне поразили действия молодого советского лейтенанта, бывшего командование 5-й и 6-й румынских пехотных дивизий в плен. «Кругом свистят пули, из окон ведут беспорядочную стрельбу румынские солдаты. А он без паники, четко и энергично отдавал приказания, солдаты же, в свою очередь, быстро и слаженно их выполняли». Так румынский офицер увидел своими глазами «самоотверженность русских людей» и вынужден был признать, что «в этом ваш солдат несравненно выше немецкого солдата» [6, л. 108-109].

Характеризуя взаимоотношения между румынскими и немецкими солдатами и офицерами под Сталинградом, подполковник Н. Камбрия отмечал, что «немец воспитан в духе ненависти к другим нациям. Они страшно ненавидят румын. Здесь на фронте ненависть особенно проявлялась. Продукты нам выдавали то с опозданием, то совсем не выдавали. С выдачей бензины немцы также творили произвол. Издевательство над румынскими солдатами с немецкой стороны превышало всякие границы. Например: идет румынский солдат. Он хуже одет, чем немецкий. Его остановят и обязательно сфотографируют. Или еще пример: у нас на фронте хлебопекарня перевозится на волах. Опять-таки немецкий фотограф-любитель остановит и сфотографирует – «вот, мол, механизированная хлебопекарня» [7, л. 111].

Военнопленный командир 27-го пехотного полка 6-й румынской пехотной дивизии полковник Иосиф Чобану о наступлении Красной армии под Сталинградом на допросе показал: «Удивляет большой размах наступления и большое количество военной техники, введенной одновременно в бой. Чувствуется осуществление тонко продуманного стратегического плана. Такого наступления я еще не видел» [7, л. 131].

Положение на фронте 24 ноября 1942 г. описал румынский военнопленный сержант пилот 3-й разведывательной эскадрильи Висанеску Маринович: «Наш экипаж имел задачу разведать положение румынских частей и головные колонны противника. Несмотря на плохую видимость из-за тумана, мы наблюдали на земле жуткую картину. Неорганизованная лавина румынских солдат в панике металась из стороны в сторону, ища укрытия и спасения. От взрывов снарядов кони разбежались в разные стороны. Мы убедились, что головной колонны нет, а

есть сплошное кольцо противника вокруг наших частей. В 10 километрах от Перелазовского наш самолет был подбит. Нам посчастливилось. Мы остались живы. Русские солдаты взяли нас в плен» [6, л. 105]. Об отношении с немцами пленный летчик рассказал, что в Румынии «немцев не любят. В связи с их пребыванием в стране, мы не являемся хозяевами. В отеле зайти нельзя, потому что там немцы. В ресторанах, кафе тоже немцы. На фронте они питаются хорошо, а нас кормят плохо. Мало осталось румын, которые еще не поняли, что война для румынского народа и все бедствия вызваны приходом немцев в страну» [6, л. 105 об.].

А вот как советское наступление виделось капралу пулеметной роты 11-й румынской пехотной дивизии Владу Демитру, взятому в плен: 22 ноября 1943 г. «после усиленной минометной и пулеметной стрельбы русские перешли в наступление. Русские очень храбро атаковали – в штыки. В результате мы имели огромные потери в людях. Так, в нашем пулеметном взводе было 32 человека, а на утро 23 ноября осталось только 12: раненных было 6 человек, а остальные убиты». Капрал считал, что «все надежду на победу потеряны. Немцы нам не помогают, а итальянцы плохие вояки». И эти разговоры, с его слов, были частыми среди румынских солдат [6, л. 106 об.-106].

Капитан 20-й румынской пехотной дивизии Архип Флок сдался в плен советским танкистам с остатками своего батальона, «сохранив свою жизнь и жизнь своих подчиненных», нарушив приказ штаба полка об удержании позиций. На вопрос, какое у него мнение о русских танкистах, военнопленный ответил, что последние отнеслись к румынам хорошо. «Имея полную возможность уничтожить нас гусеницами танков – они этого не сделали» [5, л. 606].

Таким образом, поражение на Волге во многом предопределило августовские дни 1944 г., когда Румыния вышла из фашистского блока и объявила войну гитлеровской Германии.

В январе 1943 г. на фронте от Сталинграда до Воронежа были разгромлены армии Венгрии и Италии. Япония, как союзник Германии, пока не вступала в войну против СССР, но Сталинград умерил и ее притязания на лакомый кусок от советской территории.

В Кабинете министров Японии выбор о том, нападать на Советский Союз или вторгаться в зону интересов Соединенных Штатов, всегда был спорным. Большинство министров понимали опасность ведения войны на два фронта. Только министр иностранных дел Ёсуге Мацуока настаивал на том, чтобы Япония вступила в войну, как против США, так и против СССР. Мацуока был сторонником агрессивной политики Японии. Тех, кто не разделял его взгляды и выступал за сближение с Англией и США, он убирал из Кабинета. Ё. Мацуока заменил 40 послов и министров, очистил американо-британскую фракцию в Министерстве иностранных дел и создал основу для союза с Германией и Италией. Благодаря во многом его усилиям 27 сентября 1940 г. был подписан «Трехсторонний военный союз Японии, Германии и Италии» – такое название в японской историографии носит Тройственный (Берлинский) пакт. На

следующий день после церемонии подписания, 28 сентября, японская газета «Асахи Симбун» сообщила о праздновании заключения Трехстороннего союза, состоявшегося в официальной резиденции министра иностранных дел, под заголовком «Клятва истории завершена» [9, с.184]. В честь подписания данного договора, Ё. Мацуока провел грандиозное торжество в Токио, пригласив послов Германии и Италии, а также высокопоставленных лиц японского правительства.

В марте 1941 г. Мацуока сам отправился в Берлин, где встретился с Гитлером. Мацуока активно продвигал концепцию «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии» и тесно связывал внешнюю политику Японии с политикой японских фашистов за рубежом. «Сфера совместного процветания Большой Восточной Азии» предполагала создание обширного блока стран в Восточной Азии с Японией в качестве лидера и включенными в неё регионами: Маньчжурии, Китая, а также Юго-Восточной Азии, Индии и Океании [10, с. 12].

Министры второго кабинета Фумимаро Коноэ также призывали к созданию данного «Нового восточноазиатского порядка», что в комплексе и предопределило основу внешней политики Японии. На доктрину японских милитаристов повлияла немецкая нацистская теория «Жизненного пространства», а термин «Сфера совместного процветания» придумал сам министр иностранных дел Мацуока. При заключении Тройственного пакта Япония преследовала цель, чтобы Германия и Италия признали инициативу Японии в Азии, поддержав «Новый восточноазиатский порядок». Это позволило бы Японии вырваться из затянувшейся китайско-японской войны и оказывать давление на Соединенные Штаты Америки. Представители японской военной верхушки полагали, что в случае победы Германии во Второй мировой войне существовал риск того, что Германия монополизирует колонии Великобритании, Франции, Нидерландов и т.д., поэтому представлялось целесообразным заранее заключить союз с Германией и отстаивать свои права на сферу влияния в Юго-Восточной Азии [12, с. 95].

После Маньчжурского инцидента 18 сентября 1931 г. Япония оккупировала северо-восточный регион Китая, где создала марионеточное государство «Маньчжоу-Го» [11, с. 75]. Чтобы оценить собственные возможности вторжения в Советский Союз, японцы в Маньчжурии начали совершать провокации на советско-корейской границе. Крупнейшая из них состоялась вблизи озера Хасан летом 1938 г. В одном из томов японской военной истории, изданном в 1969 г. под редакцией Национального агентства обороны Японии «Asakumo Shimbun», данный пограничный конфликт носит название «Первая битва, получившая боевое крещение в современной войне» (初めて近代戦の洗礼を受けた戦い) [13, с. 344]. Это был первый масштабный военный конфликт между Советским Союзом и Японией, в котором советские войска одержали победу, а японская армия смогла понять силу противника. Но на этом «прощупывание» сил советской армии не прекратилось. Следующая провокация была уже на советско-монгольской

границе. 11 мая 1939 г. японские войска, имея трехкратное превосходство в живой силе и военной технике, атаковали монгольских пограничников в районе реки Халхин-Гол. Захват территории Монгольской Народной Республики японские империалисты рассматривали как одно из решающих условий для реализации успешной войны против Советского Союза. Военный министр Японии Сейширо Итагаки рассуждал, что «если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар» [1, л. 202]. В архивных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ, зафиксировано, что в 1937 г. Японией было осуществлено 69 нарушений границы, в 1938 г. – 124 [1, л. 172-173].

У японских милитаристов было несколько направлений ведения войны: северное и южное. В продвижении на север Советский Союз рассматривался как потенциальный враг. Целью южного направления было расширение в Юго-Восточной Азии и обеспечение безопасности добычи нефти. Для того, чтобы успешно двигаться в южном направлении, необходимо было ликвидировать угрозу СССР. Известный исследователь востоквед, профессор А.А. Кошкин в своей монографии «"Кантокуэн" – "Барбаросса" по-японски. Почему Япония не напала на СССР» на документальной основе утверждает, что для войны на севере были выделены отдельные японские силы, и они не включались в военные планы на юге. Доказывая данный тезис, ученый ссылается на документы, которые были представлены на Токийском трибунале. Они свидетельствуют: к 5 декабря 1941 г. для нападения на СССР было подготовлено около 50 % японских пехотных дивизий, около 80% кавалерийских частей, около 65% танковых полков, половина артиллерии и сухопутных сил [2, с. 208].

Японские милитаристы разработали стратегический план ведения войны против СССР. В него вошел детальный график наступательных операций с целью оккупации советского Приморья весной–летом 1942 г. Япония выжидала «удобного момента» для нападения, чтобы гарантированно оказаться в числе стран-победителей. Командование Квантунской армии, используя этот «режим ожидания», форсировало разработку бактериологического и химического оружия во вверенных ему секретных лабораториях. Эти запрещенные виды вооружения планировалось

широко применять в СССР. Составлялись географические карты населенных пунктов, рек, озер на советской территории, какие должны были в первую очередь стать объектами бактериологической атаки. Строились склады с химическим оружием, а военнослужащих оперативно готовили к его использованию.

Победа Красной армии под Сталинградом сорвала жуткие планы японского командования, предотвратила опасность оккупации и массового уничтожения населения Сибири и Дальнего Востока. Руководство Японии в очередной раз вынуждено было отложить планы нападения на Советский Союз, понимая, что момент, «когда СССР подобно спелой хурме упадет к их ногам», еще не наступил.

6 марта 1943 г. посол Японии Х. Осима в нацистской Германии, по указанию своего правительства, заявил в МИД Германии, что его государство не имеет возможности вступить в войну против СССР, хотя «никогда не может игнорировать русский вопрос». Отказ от немедленного вступления в войну против Советского Союза Х. Осима объяснял опасностью расчленения японских сил. На замечание И. Риббентропа, что «отказ Японии принять участие в войне усилил тяжесть, которую несет Германия», посол ответил, что «Япония в течение продолжительного времени имела намерение бросить свои войска против России, однако пока она еще недостаточно сильна, чтобы пойти на такой шаг...» [3, с. 460].

Выводы

Таким образом, победой на Волге Советский Союз показал превосходство своего народа и армии, как в военном, так и в моральном отношении над гитлеровской Германией и ее сателлитами. Тщательно разработанное вторжение японцев в советское Приморье было предотвращено. После поражения войск вермахта под Курском японский план нападения на Советский Союз был окончательно отменён. Японские правящие круги перешли к составлению нового стратегического плана на 1944 г., в котором предусматривалось ведение оборонительных действий в случае начала войны с Советским Союзом. Сталинградская битва стала рубежным событием во взаимоотношениях Германии и ее союзников, сателлитов.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275.
2. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. 384 с.
3. Паротькин И.В. История Второй мировой войны. 1939-1945: [в 12 т.]. Т. 6. М. : Воениздат, 1975.
4. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945. Кн. 2. 1945. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 869 с.
5. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 194.
6. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 297.
7. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 380.
8. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462.
9. ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 3.
10. 山本有造. 大東亜共栄圏 経済史研究. 名古屋大学出版会, 2011. 120 頁.
11. 服部 聡. 松岡洋右と日米開戦: 大衆政治家の功と罪. 出版社: 吉川弘文館, 2020. 222 頁.
12. 石田勇治. ヒトラーとナチ・ドイツ. 講談社 «講談社現代新書» 2015. 320 頁.
13. 関東軍 (対ソ戦備・ノモンハン事件) «戦史叢書». 防衛庁防衛研修所戦史室 編、朝雲新聞社, 1969. 751 図版.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 7867. Op. 1. D. 275. (In Russian)
2. Koshkin, A.A. (2011) «Kantokuen» – «Barbarossa» po-yaponski. *Pochemu Yaponiya ne napala na SSSR* ["Kantokuen" – "Barbarossa" in Japanese. Why didn't Japan attack the USSR]. Moscow. 384 p. (In Russian)
3. Parot'kin, I.V. (1975) *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945: [v 12 t.]. T. 6.* [History of the Second World War. 1939-1945: [in 12 volumes]. T. 6]. Moscow, Voenizdat. (In Russian)
4. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke: Materialy i dokumenty. T. IV. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya. 1937–1945.* Kn. 2. 1945 [Russian-Chinese relations in the 20th century: Materials and documents. T. IV. Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book 2. 1945]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli publ., 869 p. (In Russian)
5. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony RF* (dalee – TsAMO RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. F. 32. Op. 11306. D. 194.
6. TsAMO RF. F. 32. Op. 11306. D. 297.
7. TsAMO RF. F. 32. Op. 11306. D. 380.
8. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462.
9. TsAMO RF. F. 66. Op. 178499. D. 3.
10. 山本有造. 大東亜共栄圏 経済史研究. 名古屋大学出版会, 2011. 120 頁.
11. 服部 聡. 松岡洋右と日米開戦: 大衆政治家の功と罪. 出版社: 吉川弘文館, 2020. 222 頁.
12. 石田勇治. ヒトラーとナチ・ドイツ. 講談社 «講談社現代新書» 2015. 320 頁.
13. 関東軍 (対ソ戦備・ノモンハン事件) «戦史叢書». 防衛庁防衛研修所戦史室 編、朝雲新聞社, 1969. 751 図版.

Поступила в редакцию 13.02.2024

Подписана в печать 28.03.2024

Original article

UDC (430+498+520+470)«1936/1943»

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_179

BETWEEN BERLIN, BUCHAREST AND TOKYO – STALINGRAD. THE BATTLE ON THE VOLGA AS A BOARD IN GERMANY'S RELATIONS WITH ALLIES AND SATELLITES

Tatiana P. Malyutina¹, Elena V. Taltynova²

Voronezh State Pedagogical University^{1, 2}
Voronezh, Russia

---

¹Dr. Histor. Sci., Professor of the Department of Russian History,
ORCID ID: 0000-0001-8978-665X, tel.: (473) 255-06-67, e-mail: chal.04@mail.ru

²Postgraduate Student of the Department of Russian History,
ORCID ID: 0009-0008-6513-5578, tel.: (473) 255-06-67, e-mail: taltynova.e.v@gmail.com

---

Abstract. The authors of the article analyze the changes in Germany's relations with Romania and Japan after the victory of the Red Army at Stalingrad. The 3rd and 4th Romanian armies were defeated in the November 1942 battles, which predetermined Romania's further transition to the side of the countries of the anti-Hitler coalition. The command of the Kwantung Army was again forced to postpone the implementation of the plan of attack on the Soviet Primorye with the widespread use of chemical and bacteriological weapons in connection with the defeat of Germany and its allies and satellites on the Volga.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Anti-Comintern Pact, Triple (Berlin) Pact, 3rd, 4th Romanian armies, Kwantung Army.

Cite as: Malyutina, T.P., Taltynova, E.V. (2024) Between Berlin, Bucharest and Tokyo – Stalingrad. The battle on the Volga as a board in Germany's relations with allies and satellites. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (1), 179–183. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_179.

Received 13.02.2024

Accepted 28.03.2024